

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА РОДСТВА «МАТЬ»

Д.Е. Восканянц

ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

Цель работы — выявление общих тюркско-монгольских лексических элементов с определением конкретных тюркских и монгольских основ и проведение языковых параллелей соответственно определенным критериям с приведением примеров. После сравнительного исследования этих языков В.Л. Котвич пришел к выводу, что около 25% в тюркско-монгольской лексике общие. Например, сходных терминов родства в тюркско-монгольских языках мало — около десятка, их так же, как и в других языках, можно подразделять на термины, обозначающие родственные отношения в результате брака и термины кровного родства.

Проблема исследования общих лексических элементов тюркских и монгольских языков относится к области алтаистики. Алтаистическая гипотеза исходит из генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Алтайская гипотеза в рамках более широкой урало-алтайской гипотезы, объединяющей алтайские языки с языками уральской группы, возникла в XVIII веке. Изучение алтайских языков позволило сделать выводы, что наиболее близкими являются монгольские и тюркские языки. После сравнительного исследования этих языков В.Л. Котвич пришел к выводу, что данные языки имеют около 50% общих черт в морфологии и 25% в лексике [5. С. 5].

По этому вопросу пишется множество работ, проводятся регулярные конференции и исследования в данной области, но несмотря на большое число трудов, проблемы алтаистики сохраняют актуальность. В VI веке огузы, предки современных турков, ушли на территорию Анатолии и больше не соприкасались с монгольскими племенами, в отличие от носителей других тюркских языков (кыпчакский, сибирский тюркский язык и др.), только в XIII веке монголы столкнулись с сельджуками у Кёседага и укрепились в Восточной и Центральной Анатолии, одержав победу. Именно поэтому очень важно выявить общие языковые связи и провести лексические параллели между монгольскими и вообще всеми тюркскими языками.

Предки тюркских и монгольских народов имели между собой многовековые контакты. Это отразилось на словарном составе, грамматической структуре языков указанных народов. Выявление монгольских элементов в тюркских языках и, наоборот, тюркских слов в монгольском языке позволяет в некоторой мере восстановить историю былых контактов этих народов.

Алтаисты, некоторые тюркологи и монголисты полагают, что рассматриваемые языки в древнейшее время могли иметь единую языковую основу, восходящую к алтайскому праязыку, из которого они образовались впоследствии. Теория о генетическом родстве алтайских языков была выдвинута в прошлом столетии Р. Раском, В. Шоттом и М.А. Кастреном [5. С. 3]. Сторонниками этой теории в более поздний период были О. Доннер, Х. Винклер, И. Грюнцел [2. С. 5]. Общую картину сходства и различия, формирования и развития языков алтайской семьи — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских — воссоздали крупнейшие ученые Г.И. Рамstedт, В.Л. Котвич и отечественные тюркологи Е.Д. Поливанов, монголист Б.Я. Владимирцов и др. [2. С. 5—20].

Появление алтайской гипотезы относится к середине XIX столетия, то есть к тому времени, когда благодаря трудам М.А. Кастрена и других ученых стали доступны для большого числа специалистов материалы по многим ранее неизвестным языкам Сибири и Урала [5. С. 6].

Тюркологи и монголисты к алтайской проблеме обращаются периодически — либо с целью подкрепления ее новыми фактами и собственными соображениями, либо для того, чтобы доказать ее необоснованность и несостоятельность.

«...Совершенно оставляя в стороне вопрос о монголо-турецком праязыке, мне хотелось бы сделать попытку указать на явление, на которое, по-видимому, до сих пор не обращалось должного внимания. Я говорю о возможности заимствований одним языком из другого, монгольских заимствований в турецком и турецких в монгольском языке», — писал в прошлом академик Б.Я. Владимирцов [1. С. 45—46].

Значительное количество монгольских слов в тюркских языках и в монгольском — тюркских давно замечено многими исследователями. В настоящее время началось специальное изучение в широком плане процесса взаимодействия этих языков.

Ценные этимологические изыскания по ряду монгольских слов, употребляющихся в тюркских языках, имеются в работе Б.М. Юнусалиева и Б.О. Орузбаевой [5. С. 6].

А.М. Щербак изучал вопросы лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Большое число монгольских элементов в алтайском языке обнаружил В.И. Рассадин. Им написан специальный раздел, посвященный монголизмам в алтайском языке, в книге «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках». Он также автор статьи, посвященной тюркизмам в бурятском языке [3]. В монографическом исследовании, вышедшем в 1980 году, В.И. Рассадин комплексно анализирует монгольские заимствования в тюркских языках Сибири [3. С. 3—18]. На большом фактическом материале автор осветил вопросы

фонетического, морфологического и семантического освоения монгольских (бурятских, калмыцких) слов тюркскими языками.

Следует отметить, что в силу исторических обстоятельств степень распространения монгольских слов в различных тюркских языках неравномерна. Монгольские слова больше всего представлены в тувинском, хакасском, алтайском языках.

Монгольские тексты, относящиеся к периоду до XIII в., отсутствуют, и поэтому о последствиях тюркско-монгольских контактов в указанный период можно говорить лишь предположительно.

Существует гипотеза, согласно которой в древнетюркском языке не было монголизмов, и если в древнетюркских текстах выступают слова, общие для тюркских и монгольских языков, их следует считать тюркскими по происхождению или по непосредственному источнику заимствования. Эта гипотеза была выдвинута Дж. Клосоном, и суть ее предельно ясна: до XIII в. процесс заимствования был односторонним [8. С. 92]. В силу разных обстоятельств, и прежде всего по причинам социально-политического, религиозного и культурного характера, тюрки оказывали мощное влияние на своих ближайших соседей — монголов. «В течение многих веков, — отмечает В.С. Таскин, — господство над бескрайними степями Центральной Азии принадлежало тюркоязычным сунну». Гипотезу, выдвинутую Дж. Клосоном, поддержал Л.В. Кларк [8. С. 92—93]. Он сделал аналогичный вывод после проверки 110 древнетюркских слов в тюркско-монгольских параллелях, указав при этом на необоснованность части монгольских этимологий, ошибочность чтения ряда слов и на использование в отдельных случаях поздних источников, что связано с изменением первоначального текста. Воздерживаясь пока от окончательной оценки изложенной гипотезы, заметим, что она может служить опорой для выяснения природы лексических параллелей, так как в пользу нее свидетельствуют убедительные факты. С одной стороны, обращает на себя внимание возникновение у тюрков уже в VI в. институтов первичной государственности, раннее, начиная с VI в., освоение нескольких видов письма, принятие манихейства, буддизма, христианства, сопровождавшееся интенсивным переводом соответствующей литературы с тохарского, китайского и согдийского языков. С другой стороны, примечательно отсутствие явных монголизмов в орхон-енисейских рунических надписях и ограниченность их числа в раннесредневековых уйгурских текстах. «Даже у Махмуда Кашгари в словаре XI в., — пишет Л. Лигети, — можно выделить с трудом лишь два или три монгольских слова» [8. С. 92—93].

Само собой разумеется, тюркское влияние на монгольские языки в период до XIII в. отразилось на состоянии их лексики в целом. Иначе говоря, древнейшие заимствования из тюркских языков должны проследиваться с наибольшей вероятностью во всех монгольских языках или в абсолютном большинстве их.

По материалам древнетюркских текстов было выделено несколько сотен слов, для которых в среднемонгольском или монгольском письменном языках прослеживаются достаточно надежные параллели. В затруднительных ситуациях надежность их обеспечена привлечением материалов других монгольских языков.

Ранее этим вопросом занимались многие ученые, посвятившие ему не один год работы и написавшие множество трудов, так или иначе касающихся данной темы. Они проводили языковые параллели и выявляли закономерности взаимных заимствований и возникновения аналогичных лексических элементов в тюркских и монгольских языках.

Цель данной работы — показать на примерах то изобилие общей лексики в рассматриваемых языках, которая сложилась исторически, усвоилась и продолжает существовать в настоящий момент, поскольку данный аспект представляет особый интерес для дальнейших исследований тюркологов и монголистов; актуальность темы очевидна.

Лексика — наиболее сложный уровень реконструкции праязыка, представляющий собой открытую систему. Ему предшествуют реконструкции двух других уровней — фонетики и морфологии. Реконструкция лексики, кроме этих двух уровней, включает и реконструкцию третьего уровня — семантики слова. Под семантикой имеются в виду ее разновидности: категориальная и лексическая (в культурном аспекте) [7. С. 5].

Общую тюркско-монгольскую лексику можно разделить на две группы: одна из них, первичная, восходит к глубокой древности, к языку, не засвидетельствованному временем; другая, вторичная, появилась в результате взаимных политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами, главным образом в средних веках.

Таким образом, нас интересует реконструкция пратюркского лексикона в категориальном и лексико-семантическом аспектах, общий фонд алтайской лексики и прослеживание его изменений под влиянием тюркско-монгольских взаимодействий. Рассмотрим конкретные примеры терминов родства и родственных отношений.

Сходных терминов родства в тюрко-монгольских языках мало — около десятка, их так же, как и в других языках, можно подразделять на термины кровного родства и термины, обозначающие родственные отношения в результате брака.

Лексика кровного родства на примере термина «Мать» — *ana*.

В этой форме слово сохранилось в древнетюркских памятниках, а также во многих тюркских языках различных регионов: тур., гаг., аз., турк. диал., сал.; ктат., кар., кбалк., кум., тат., ккалп., каз., уйг., сюг. [Там же. С. 298].

Палатализация гласных с сохранением первичного значения слова произошла в ряде языков: турк. *ene*, тат. диал. *inä*, *änäü*, *önnä*, башк. *inä*, кум., ккалп., каз. *ene*, каз. диал. *äni*, кирг., алт., тув., туркм. *ene*, узб. диал. *ena* ~ *enä*, лобн. *ene*; хак. *ine*, чул. *änä*, *ine*, чув. *anne* (также *ama*), чув. диал. *ani*, уйг. *ana*; узб. *ona* [Там же. С. 298].

В некоторых языках наряду с этим развилась и дубликация среднего согласного: тур. *anne*, тат., аз. диал. *ännä*, балк. *änpa*, тат. диал. *önnä*, чув. *anne*.

Палатализация сопровождается в некоторых языках дальнейшим развитием семантики слова: в ряде языков за *ana* сохраняется первичное значение «мать»; а *ene* (например, в каракалпакском, казахском) приобретает новое значение «свекровь», «теща» (мать жены или мужа). В ряде языков происходит в дальнейшем сужение как начального, так и конечного гласного: хак. *ine*, *inä*, тат. *äni* [Там же.

С. 298]. Кроме этих фонетических вариантов, имеются еще и другие разновидности, характерные для остальных тюркских языков. Например: *eni*, *enne*, *ine* и т.д.

Для сравнения: в монг. яз. «мать» — *eh(e)*, «мама» — *eež*.

Термин *ene* с фонетическими вариантами характерен и для тунгусо-маньчжурских языков [5. С. 5, 32—33].

Особенность данного слова в том, что в рассматриваемых языках оно означает «мать» не только по отношению к человеку, но и к животным. Например: монг. *eh(e) mal* — «матка, маточное поголовье». Ср.: кирг. *muzoonun enesi* — «мать теленка» [6. С. 77—78].

Ана, как и другие древние слова в тюркских языках получило широкое семантическое развитие. Наряду с названиями родственников: «мать», «теща», «свекровь», «тетка», «бабушка» — оно стало обозначать и другие понятия, отдаленные от родственных отношений, но связанных с понятиями старшей женщины в семье, с существом женского пола: «старшая женщина, почтенная женщина», «матрона», «самка», «матка с приплодом», «главная часть вещи» и т.д. Ср. тат. *ana mäci* «кошка», *ana ürdäk* «утка» [7. С. 299].

В свою очередь, монголисты давно обратили внимание на интересное в семантическом и морфологическом отношении явление, заключающееся в том, что существительное, совпадающее по своему облику с корнем *eh(e)*, имеет значение «мать», тогда как в форме *ehe + ner*, исторически являющейся ничем иным, как множественным числом, оно означает «женщина», «жена» [6. С. 77—78].

Ene имеется в языках: турк., ккалп., каз., кирг., алт., узб. диал. Надо полагать, оно представляет собой палатализованный вариант *ana*, поэтому может рассматриваться как вторичное по отношению к первому. Обе формы «можно считать равно распространенными и нередко параллельными в одних и тех же языках» [9. С. 279].

В якутском произошли наряду с палатализацией дальнейшее сужение начального гласного, а также спирализация интервокального сонорного *ene > eže* [7. С. 298]. В бурятском языке, наоборот, сужение произошло в конечном гласном *-eži*. При дальнейшем развитии происходит также сужение или расширение гласных *e > i*, *e > ä*: тат., башк. диал. *inä*, тат. *äni* и т.д. [9. С. 278—279].

Первичное, основное значение — «мать», «почтенная, старшая женщина». В дальнейшем семантика значительно расширилась, приобретая немало конкретных значений: «мама», «родительница», «матушка», «матрона», «бабушка», и др., также некоторые дополнительные значения, относящиеся к родственникам по свойству: «теща», «свекровь», «тетя», «няня», а также «сказочная женщина», «особь женского пола», «самка», «матка (у животных)» [7. С. 299].

Для передачи понятия «матушка» первоначально употреблялось название матери *ana*. Затем на базе названия «мать» появились его звательные формы, обозначенные посредством аффиксов *-j*, *-ka/-ke*: *anaj*, *enej*, башк. *äsäj* «мама», тел. *änäkä*, тар. *änägä*, каз., кирг. *eneke* «матушка, мама».

Звательная форма образуется также аффиксами принадлежности 3-го и 1-го лица. *Anat* — «моя матушка» — употребляется обычно при обращении к старшей женщине. Тогда как *anasy* имеет специфику, заключающуюся в том, что оно употребляется при обращении мужчины к своей жене (букв. «его или их

мать», т.е. мать его детей, ср. русское (в быту) «мать» в таком же значении [Там же. С. 301].

Слово *eže* в разных фонетических вариантах распространено во всех регионах, однако в значении «мать» — в ограниченном количестве языков: турк. *eže*, башк. *äsä* (j), хак. *iže*, чул. *iče* ~ *ezde*, тоф. *ihe*. В монг. *eež*, в бур. *eži*.

В большинстве языков помимо значения «мать» главным значением выступает «старшая сестра» (тур., турк., кирг., узб., алт., як.), а также всякая старшая по возрасту женщина: «тетка, теть, бабка, бабушка». Имеются также мужские значения: «брат, старший брат, отец, дядя, батюшка, дед» [Там же. С. 299].

Apa — в разных фонетических вариантах распространено во всех регионах. В значении «мать» — в ограниченном количестве языков, тем не менее относящихся к разным регионам: тур. диал., турк. диал., кирг. диал., узб., уйг. *apa*, тув. *awa/iwa*, чув. *aba*, а также в ряде древних памятников.

Центральными и почти параллельно распространенными значениями являются «мать» и «старшая сестра», *apa* употребляется и как форма обращения к старшим женщинам. Другие значения связаны с названиями женщин — старших родственников: «тетка, родственница, бабушка, золовка, женщина» [Там же. С. 300]. В бур. *aba*, монг. *aav* — «отец», «старший в семье родственник».

Apa(j) — употребительно в древнетюркских памятниках, можно считать его архетипом с.-з. языков, откуда оно распространилось в прилегающих к ним регионах: турк., тат., башк., к.калп., каз., кирг., уйг. *apa*, узб. *a'pa*, чув. *appa* и ее звательная форма *apaј*, которые в современных языках стали употребляться при обращении к любой старшей женщине.

Общее распространенное значение слова *apa(j)* — «матушка», «старшая родственница», «старшая женщина», «старшая сестра».

В турецком, азербайджанском, крымско-татарском вместо *apa* используется *abla*, имеющее, возможно, генетическое родство с предыдущим словом, а в гагаузском — *kaku*, заимствованное из болгарского [Там же. С. 301].

Множественность названий старших родственников (мать, отец, дед, бабушка) подтверждает мнение о лепетном происхождении большинства из них [Там же. С. 300]. Но позволим себе не согласиться с уважаемым Э.Р. Тенишевым, предположив, что происходит данная лексика не от детского лепета, а от лепета взрослого — давнего носителя праязыка в широком понимании слова.

В ряде языков значение «мать» передает и слово *ök*. Др.-уйг. рун., др.-уйг. *ök*: *on aj eltdi ögüm* «десять месяцев носила меня моя мать»; *ögüm ötin alajyn* «да получу я наставление своей матери»; *meniñ ögüm bolur siz* «Вы будете моей матерью»; *Ög Täñri* «Богиня».

Ök, употребительно в древнетюркских памятниках, в современных языках сохранилось в производных основах, главным образом — в слове со значением «сирота», которое имеется в языках различных регионов. Во всех языках с конечным глухим согласным: тур., к.-балк., кум. *öksüz* и т.д. Форма со звонким конечным *ögsüz* отмечена в тур. диал. Э.В. Севортян считает исходным корневым гласным *-g*, хотя первичность глухого конца более вероятна, а *-g* можно рассматривать как ассимилятивный его вариант.

Во всех источниках имеет значение «мать, родительница». Использование в составе производного *ǒksūz* подчеркивает главенствующую роль матери для ребенка [Там же. С. 300].

В заключение изложим основные выводы исследования.

Лексика, выражающая термины родства, в большинстве случаев соотнесена со специальными понятиями, в отличие от общеобиходных слов. В то же время она функционирует не изолированно, а в окружении обычных, общепонятных слов.

Лексика, обозначающая термины родства, формировалась под непосредственным влиянием социально-исторических, экономических, культурных, религиозных и других факторов и представляет собой сложную систему, возникшую в процессе многовекового исторического развития.

Большая часть терминов родства продолжает употребляться в современных тюркских и монгольских языках, часто с незначительными изменениями. Историко-этимологический анализ исследуемого материала показывает, что наименования терминов родства в тюркских и монгольских языках представлены исконными и заимствованными словами.

Заимствования из персидского и арабского языков нашли распространение, в основном, в юго-западных, северо-западных и юго-восточных языках, из монгольских — в центрально- и северо-восточных.

По нашему мнению, развитие материальной культуры, социально-исторические перемены, экономические и религиозные изменения влияют на словарный состав языков. С течением времени слова приходят в обиход и уходят из него, но основные назывательные термины родства остаются неизменными, часто лишь видоизменяются или принимают основу тюркских или монгольских вариантов. Во все времена у тюркских, монгольских и любых других народов были, есть и будут термины, обозначающие родственные отношения по крови и по свойству. Такие термины употребляются часто, принимая правила произношения и интонацию языка того народа, кем они используются, тем самым сохраняя в обиходе довольно древние формы лексики.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

алт. — алтайский язык
 башк. — башкирский
 бур. — бурятский
 др.-тюрк. — древне-тюркский
 калм. — калмыцкий
 к.-балк. — карачаево-балкарский
 к.-калп. — каракалпакский
 кирг. — киргизский
 крым.-тат. — крымско-татарский
 кум. — кумыкский
 кыпч. — кыпчакский
 маньч. — маньчжурский
 мнгр. — монгорский
 монг. — монгольский
 м.-п. — монгольский письменный
 нан. — нанайский

перс. — персидский
 сал. — саларский
 скр. — санскрит
 ср.-монг. — среднемонгольский
 ср.-тюрк. — среднетюркский
 ст.-узб. — старо-узбекский
 тат. — татарский
 тел. — телеутский
 тоб. — язык тобольских татар
 тув. — тувинский
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 узб. — узбекский
 хак. — хакаский
 чув. — чувашский
 эвенк. — эвенкийский
 як. — якутский

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение в фонетику. — Л., 1929.
- [2] *Рамstedт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. — М., 1957.
- [3] *Рассадин В.И.* О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. — Улан-Удэ, 1969.
- [4] *Рассадин В.И.* Монгольско-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М.: Наука, 1980.
- [5] *Сыдыков С.* Монгольско-тюркские языковые параллели. — Фрунзе: Илим, 1983. — С. 3—6, 32—33.
- [6] *Попте Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. — М.-Л., 1937. — С. 77—78.
- [7] *Тенишев Э.Р.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп., кн. 4. — М.: Наука, 2001.
- [8] *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII—XIV вв.) / СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
- [9] *Этимологический словарь тюркских языков (ЭСТЯ).* — 1974. — С. 279.

RESEARCH OF COMMON LEXICAL ITEMS IN TURK AND MONGOLIAN LANGUAGES, FOR EXAMPLE, THE KINSHIP TERM «MOTHER» RESEARCHING

D.E. Voskanyants

IAAC of MSU of M.V. Lomonosov
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russia, 125009

The purpose of the study — the identification of common Turk-Mongolian lexical items with specific Turk and Mongolian features and language parallels under the certain criteria of examples. After a comparative study of these languages VL Kotwic concluded that the speaker had about 25% of the common features in the lexicon. For example, the similarities in terms of kinship in the Turk-Mongolian languages are few — about a dozen, the same way as in other languages, we can subdivide them into terms for relationship as a result of marriage and blood kinship terms.